

В 1969 году, готовясь к бегству из Советского Союза, Анатолий Кузнецов переснял свои рукописи на фотоплёнку. После чего черновики и промежуточные редакции были уничтожены, а оригиналы, герметично закатанные в трёхлитровые стеклянные банки на манер консервированных огурцов, зарыты в близлежащем к писательскому дому лесу. Где они, по-видимому, до сей поры и пребывают.

Два десятка рулонов экспонированной плёнки, на каждом кадре которых находилось по четыре машинописные страницы, были зашиты в подкладку писательской куртки и таким контрабандным образом покинули пределы ненавидимой Кузнецовым родины, жизнь в которой, как он об этом впоследствии многократно писал, довела его до грани умопомешательства. На этих фотоплёнках был полный, бесцензурный текст романа-документа «Бабий Яр»; был манускрипт сюрреалистического романа «Тейч Файв», писавшегося Кузнецовым «в стол», то есть без малейшей надежды на публикацию; были и изданные рассказы, ни один из которых не миновал цензурного насилия.

Живя и работая в Советском Союзе, Анатолий Кузнецов должен был соблюдать неписанные правила игры, установленные для работников «самого передового в мире» советского искусства. Сочинять и предлагать в редакции и издательства заведомо непроходимые по цензурным понятиям тексты считалось в советской писательской среде делом не только неразумным, но и опасным. Каждому члену Союза писателей СССР было известно, к чему подобное может привести. Понимал это и Анатолий Кузнецов. Понимал — и писал. Но никому не читал, никуда не носил, а переснимал на фотоплёнку и зарывал в землю. Психология подпольщика, вынужденного выживать на захваченной врагом территории, навсегда вошла в его сознание ещё в детстве, когда, будучи ребёнком, будущий автор романа «Бабий Яр» более двух лет провёл в оккупированном нацистами Киеве, где каждый начинающийся день мог оказаться для него последним. Эта же психология определила всю дальнейшую жизнь Анатолия Кузнецова и она же, в конце концов, привела его туда, где его земная жизнь завершилась.

Среди вывезенных при бегстве Кузнецова рукописей было несколько рассказов, которые в СССР ни при каких условиях изданы быть не могли. Предлагаемый вашему вниманию рассказ Анатолия Кузнецова в России никогда ранее не публиковался. Впервые он был издан уже после смерти писателя — в 1980 году в израильском русскоязычном журнале «Двадцать два».

Павел Матвеев

Леди Гамильтон

В Москве уличными плешками на разговорном языке называются места, где можно купить женщину.

Постоянно уходя от облав милиции, плешки кочуют с площади Революции на проспект Карла Маркса, с проспекта Маркса на Комсомольскую площадь, и, чтобы их найти, нужно спросить у водителя такси: «Шеф, где сегодня плешка?»

Обычно он знает, тут же берётся вас доставить, покажет товар и возьмёт с тротуара то, на что вы укажете, за что ему следует неписаная, но точная такса — пять рублей.

В тот вечер главная плешка работала у Ленинградского вокзала. Мы с Андреем быстро нашли её с помощью такси, но, пожалуй, приехали слишком поздно. Часы на вокзальной башне показывали половину второго. После часа ночи торги кончаются, можно рассчитывать лишь на случайную труженицу, вышедшую на последний заход, чтоб на том и пошабашить.

Мы вышли из машины и расплатились, увидев с досадой, что сегодня спрос намного превышает предложение. По тротуару вдоль фасада вокзала стояли и бродили десятки мужчин — и ни одной хотя бы мало-мальски приемлемой женщины.

Правда, под фонарным столбом стояли две: мать и дочь, судя по подобию. Матери было лет пятьдесят, толстая и глупая баба, лицо блином, по-деревенски обвязанная грязным платком; она крепко держала за руку дочь, такое же лицо блином, такой же платок, глупо улыбающееся молодое животное лет шестнадцати. К ним подходили мужчины, баба с ними жадно торговалась, спорила, доказывала, и они отворачивались. Подошли и мы.

— Сколько просишь за дочку? — спросил Андрей. — К нам на хату, до утра.

— В паре ходим, саму дочку не пуцу! — визгливо, как на базаре, закричала баба.

— Да сама ты кому нужна? Давай нам девку, а ты иди себе спать на печь.

— Не нужна, так отваливай к рас...! — баба заругалась длинно, цветисто; мы отвалили.

Тут подлетело такси, из которого вывалились пять или шесть пьяных негров, студентов Международного института имени Патриса Лумумбы. С тех пор, как этот замечательный институт образовался в Москве, они постоянно портят все дела на плешках. Окружив мать с дочерью, они рявкали, объяснялись на ломаном языке, через минуту потащили их в машину. Чтобы всем уехать, свистнули второе такси, и обе машины исчезли под мостом в направлении Садового кольца.

Андрей хмуро усмехнулся:

— Пофартило красавицам. Правда, и поработают они на этот хор, но валюты у негров много... Корову купят. Итак, одна осечка. Загадаем. Считаю до трёх.

Мы двинулись вдоль фасада вокзала. Женщин не было.

Дойдя наконец до закрытого входа в станцию метро «Комсомольская», мы увидели двух старух лет по шестьдесят-семьдесят, которые прохаживались с кошёлками в руках. Они были похожи на нищенок с церковной паперти. К ним принялись приставать трое мальчиков-школьников, горячо в чём-то убеждали, показывали деньги. Странно и не совсем понятно было это.

Андрей, старый и опытный волк с пятилетним стажем дружинника, ныне доцент кафедры марксизма, определил сразу:

— Явные бандерши. У них имеются девочки за углом, вне досягаемости милиции, они торгуют. Теперь твоя очередь, подходи.

Школьники, разочарованные, отошли; я шагнул к старухам.

— Бабушки, нужны две молодые девочки, на хату, до утра. Имеете?

Одна старуха смерила меня взглядом с ног до головы и раздражённо ответила:

— Что имеем, видишь сам.

— Две девочки... — повторил я, не совсем понимая.

— Обратись к милиционеру! — отрезала другая, отворачиваясь, и от её лохмотьев удушливо пахнуло мочой; пьяные такие старухи валяются под витринами, обмочившиеся, пока их не подберут и не увезут в вытрезвитель.

Я вернулся к Андрею сконфуженный. Он толковал со школьниками, которые огорчённо объясняли:

— Нет, не бандерши, они проститутки. Мы говорим: у нас всего на троих пять рублей, давай, бабка, мы тебя втроем возьмём, а она хочет с каждого по пять и ни в какую не соглашается.

— Осечка номер два, — озадаченно сказал Андрей. — Это уже дивно, как я ошибся. К чёрту, меня затошнило. Вот третий шанс, и поедем домой спать.

К плешке беззвучно, по неосвещённой полосе, как тень, подкралось такси. В нём виднелось единственное выделяющееся пятно: на переднем сиденье, рядом с шофёром, сидела явно женщина. Такси рывком выехало под фонари, а женщина опустила стекло и выдвинулась в окно, показывая себя.

Мы отшатнулись.

То было не лицо, а какая-то мёртвая пугающая маска. Весьма немолодая, видимо, женщина наложила на себя столько кремов, помады и пудры, что походила на клоуна, и, тем не менее, угадывалось, что она уродлива и страшна, как смерть.

Такси медленно проплыло мимо нас с этой дикой маской в окне, проехало, как похоронный фургон, вдоль всего тротуара, и другие мужчины тоже от неожиданности лишь напряжённо глядели, но никто не сделал движения остановить такси. Оно поддало газу и умчалось.

— Пошло на второй заход, — сказал Андрей, глядя вдаль и не теряя его из виду; такси объехало по кругу огромную площадь, постояло под светофором и свернуло на поворот к вокзалу.

Оно в точности повторило прежнюю эволюцию. Вторично, в похоронном молчании, медленно проехало вдоль шеренги мужчин, разочарованно фыркнуло, поддало газу и умчалось.

— Пошло на третий круг, — комментировал Андрей, следя за такси, как кот за воровьём. — Однако игра уже забавна.

Такси действительно вынырнуло из тени в третий раз. Маска теперь напряжённо высунулась из окна всем бюстом и шевелила губами. Когда она поравнялась с нами, стало слышно, как она дребезжаще и безголосо поёт арию Кармен:

— Так берегись люб-ви-и моей... Тарам-пам-пам...

Она пропела перед всей молчаливой шеренгой вдоль тротуара. Такси задерживалось на секунды, трогалось дальше, затем ушло на бешеной скорости.

— Марья, гляди! — крикнула одна старуха с кошёлкой другой. — Леди Гамильтон работает! Оперы поёт, ха-ха!

Обе расхохотались.

— Берём, — сказал Андрей.

— Ты с ума сошёл?

— Берём. Я сказал: считаем до трёх. Значит, судьба.

Когда такси в четвёртый раз вынырнуло из тени, он поднял руку.

— Садись!

Мы вскочили на заднее сиденье и ещё не захлопнули как следует дверь, а машина уже была под мостом. Молодой водитель цыганской наружности злобно рвал и не тормозил на поворотах. Маска всем корпусом повернулась к нам, пугая близостью мертвенного лица:

— Извините, за нами, кажется, следит патрульная ракушка. Нет, свернула, слава богу... Я работаю в машине. Или на дому у клиента. Своего дома у меня нет.

— О'кэй, ко мне на хату, шеф, на Маяковскую, — бодро сказал Андрей.

Маска тотчас уточнила:

— По десять рублей с каждого, итого двадцать; далее шофёру пять и оплата счётчика.

— На счётчике восемь рублей! — ахнул Андрей. — Накатала!..

— Зато я делаю всё.

— О'кэй, тогда сотри живопись с лица, с этого «всё» и начнём.

— Нет. Сначала деньги вперёд.

— Конечно, конечно... — Андрей поспешно полез за бумажником. — Двадцать рэ, за двоих. Шеф, а это ваши, прошу.

Шофёр, не глядя, взял пятнадцать рублей двумя пальцами, сунул в нагрудный карман. Женщина тщательно спрятала деньги в сумку, вынула пачку салфеток и принялась вытирать лицо.

— У меня есть водка, — сообщил шофёр. — Тут под сиденьем три бутылки, отдам по шесть рублей.

— Спасибо. У нас дома своя.

Это его окончательно взбесило, он зашвырял машину и догнал до площади Маяковского в молчании за несколько минут.

В квартире, при ярком электрическом свете, без краски, она оказалась обыкновенной, даже, я бы сказал, весьма ординарной немолодой женщиной, с морщинами, дряблой кожей, с бурными кругами под глазами. Похоже, была очень усталая.

Стараясь поскорее разрядить неловкость первой минуты, Андрей поспешил выставить коньяк, закуски.

— Как тебя зовут?

— Люда.

— Садись, Люда, да выпей.

— Вы меня извините, — сказала она. — Я очень прошу меня извинить. Я не могу пить. Однако, если позволите, я закуру.

— Конечно, конечно! — Андрей проворно подвинул сигареты и пепельницу. — Тогда мы выпьем сами. А то бы ты... за компанию?

— Нет, я вас подожду, заряжайтесь, я подожду.

— Ну что ж так?

— Извините, мне нельзя, у меня крайне больны почки. Не обращайтесь внимания.

При её безучастном присутствии питьё и еда не шли, тем более что вечер мы убили в ресторане, заказывая, как обычно, горы, не в силах поглотить, лишь ковыряя да свиняча, что считает долгом делать каждый, коль кутит в московском ресторане. Андрей принялся упрашивать:

— Ну проглоти ты что-нибудь, что ли, для приличия.

— Отстаньте. Мне уже раздеваться или будете ещё пить?

— Погоди. Без спешки. У нас вагон времени.

Она закончила одну сигарету, без передышки прикурила от неё следующую. Равнодушным взглядом окинула стены.

— Если можно, не заставляйте меня делать стриптиз на столе, ненавижу, все партийные скобари непременно требуют стриптиза, начитались о Западе, а сами в жизни не видели, и требуют от своих советских проституток: лезь на стол и изображай. Я уже стара, у меня венозные узлы, малопривлекательное зрелище. Со мной лучше в темноте. Поверьте, не надо стриптиза.

— Мы не собирались... — пробормотал Андрей.

— Благодарю вас. Это была единственная просьба, в остальном — как я сказала, делаю всё.

— Вы чувствуете себя как дома, — несколько смущённо сказал Андрей. — Вы зачем так много курите? Хотите минеральной воды? Вот орехи, конфеты... чем богаты... Здесь есть пластинки, может, тихонько пустим музыку?

Её передёрнула судорога, но она тут же улыбнулась.

— Уж эти интеллектуалы, желают не только тело, но ещё нужна обстановка, душевность. У меня нет душевности, ребята, нет у самой, нет в продаже. Простите. У меня злой язык. Вы ко мне добры, а я...

— Видно: вы очень взвинчены, — сказал я. — Может, лучше всего вам было бы сейчас элементарно отдохнуть?

— О-о, нет! Растягивать, рассусоливать. Мне утром на поезд, там отдохну. Давайте работать. Я раздеваюсь.

— Вы в самом деле взвинчены. Бросьте! — сказал Андрей. — Наплюйте на всё, примите ванну, поспите до утра. Вполне серьёзно. Мы же не озверевшие от сексуального голода партийные скобари или негры из института Лумумбы. Мы всё это просто так, от нечего делать. Я предлагаю: давайте завалимся спать, на пару часов забудем, к чёрту, всю эту жизнь.

— Но... вы заплатили?

— Вот именно. Ваша совесть чиста, считайте, что сеанс состоялся, всё в порядке. Людмила, я пойду постелю вам в той комнате. Мы ляжем здесь.

— Ах, ах, какое благородство, — насмешливо сказала она. — Будь на моём месте молодая, не корчили бы из себя святых. Я не могу спать, у меня какое-то нервное истощение, почти не сплю.

— Не так уж вы стары, допустим, а я мог бы ещё выпить, и море по колено, — возразил Андрей. — Это же очень просто, да у меня не то настроение, честное слово.

— Только на всякий случай, — досадуя на него, сказал я. — Если вам удобнее уйти, то вот телефон. Вызовем такси, и не мучайте себя.

— Нет... Уйти-то мне некуда, правду говоря, лучше уж перебьюсь у вас, — сказала она, раздумывая. — Собственно, поезд в девять утра, ждать недолго...

— Лучше поспите у нас. Дальняя дорога? Если не секрет.

— Н-нет, не секрет. Просто пора пришла из Москвы уезжать: примелькалась, опасно. Поеду на юг. Вернусь, может быть, осенью. Если дадите телефон, то позвоню, может, будет другое настроение. И отработаю свои двадцать рублей. Даже, пожалуй, я их сейчас вам верну.

— Нет! Нет! — закричал Андрей. — Это уже маляк, оставьте.

— Спасибо... Да, вы по-своему правы, вообще правы. Здоровые нормальные люди, на что вам проститутки, они почти поголовно больны гонореей; я сейчас, кажется, вылечила, но ведь никогда не знаешь, когда схватишь новую, каждый день, каждый час... Нет, действительно, если вы только боитесь заразиться, то, правда, я чувствую, что здорова, и потом в сумке у меня есть марганцовка для дезинфекции.

— Вот даёт! — восхищённо сказал Андрей.

— Да! Мне совестно взять эти двадцать рублей ни за что. Может, я сбила настроение, не желая делать стриптиз? Но помилуйте, это же была лишь просьба: если можно. Хорошо, я вам сделаю, я сделаю!

Она принялась лихорадочно освобождать место на столе, сдвигать на угол тарелки с объедками. Андрей ухватил её за руки и с трудом усадил. Она вся была комком нервов, истерически натянутая струна, которая вот-вот лопнет. Я пытался вспомнить, нет ли у Андрея каких-нибудь лекарств, хотя бы валерьянки, но обычно он, здоровый, как бык, никаких лекарств не держал.

— Не бойтесь, — моментально возразила она наблюдательно, — не сделаю вам неприятностей. Я умею себя держать. Хорошо. Я полежу здесь до утра. Хорошо. Я тихо полежу. Не обращайтесь на меня больше внимания. Я действительно вас не поняла. Всё в порядке, ребята, всё в порядке. Благодарю вас. Я ложусь.

— Хотите ванну? — напомнил Андрей.

— Ох, да, конечно.

— Вон та дверь. Разберётесь сами? Полотенца берите любые. Если мы заснем, то погасите свет, и на всякий случай: спокойной ночи. Я поставлю будильник на половину восьмого, правда?

— Да, лучше на половину восьмого. Спасибо за всё. Спокойной ночи. Не беспокойтесь, ванную я после себя уберу.

Она заперлась в ванной. Пустила воду. Мы остались за столом и молча стали пить коньяк по каплям. Когда бутылка кончилась, Андрей достал другую, но пьяными мы не делались, наоборот. В последнее время такое с нами бывало всё чаще: по мере питья голова не оглушалась, а лишь парадоксальным образом чётко трезвела и прояснялась, признак не из лучших.

В ванной она была довольно долго, но выйдя, не удивилась, увидев нас в тех же позах за коньяком. Оказывается, она вымыла голову, и жидкие слипшиеся пивьяки волос делали её похожей на вынырнувшего из воды мальчишку.

— Я кое-что выстирала, повесила там на трубе, бельё, колготки, и... вы изви-ните, я заберу, как только встану.

— Поешьте, — предложил Андрей.

— Если вы позволите, я только возьму ещё сигарету. — Она села к столу, взяла бутылку, в которой оставалось ещё на дне, взболтнула. — Вторая, что ли?

— Да.

— Если бы оно где-нибудь было, — вдруг мечтательно и со звенящей болью сказала она, — я бы выпила виски.

— Мы бы сами выпили. За доллары-то можно достать в валютных магазинах.

— А вы держали когда-нибудь в руках доллары?

— Нет.

— Я держала. Правда, это было очень, очень давно. Но держала. Они серо-зе-лёного цвета и все одинакового размера, не так, как рубли.

— Почему вас называют леди Гамильтон? — спросил Андрей.

— Вы уже успели услышать? Ого, тогда действительно следует срочно, срочно уезжать.

— Это тайна?

— Какая там тайна... Я действительно леди, если хотите, теоретически то есть, но не Гамильтон. Это кто-то выдумал, было такое старое английское кино, посмотрелись. Я когда-то вышла замуж за американца и таковой женой, в общем, остаюсь...

— Где же он?

— Понятия не имею. Это было давным-давно. Мне тогда было восемнадцать лет, жила замужем два месяца. Леди. Ну, потом эта знаменитая история с русски-ми жёнами иностранцев... Я одна из них.

— Я что-то очень смутно слышал... Арестовывали?

— Бог ты мой, как вы молоды. Могли бы быть моими сыновьями, ребята. И никто этого уже даже не помнит. Новые страдания вытеснили старые, придёт время, забудут и эти... Ах, ладно, налейте мне. Больше, больше... Скорее сдохну, подумаешь, беда. Какая разница, верно?

Она одним духом, крупными глотками выпила полный фужер коньяку, ради чего Андрей мимоходом извлёк новую бутылку. Выпила легко, как воду, и не кашлянула. Андрей с трудом отнял у неё сигарету, заставил закусить шпротами.

— Если не хотите вспоминать, не надо.

— Нет, почему. Люди моего возраста, некоторые, помнят. Вам тоже не мешает знать. Сразу после войны браки с иностранцами были разрешены. Ну, мы были школьницами, бегали на открытые вечера в американское посольство, там ши-карные фильмы крутили, с Гретой Гарбо, с Чаплиным... Я влюбилась в одного

из шоферов посольства, он меня катал... Тогда это было можно, после войны американцы — союзники, такие, куда ж там, друзья. Он мне говорил, что он сын богатых родителей, захотел увидеть жизнь в СССР, скорее всего врал, мальчишка совсем, но долларов у него было, и правда, без счёта. И поженились. Молоденькие, такая любовь, такая любовь. У него кончался срок контракта, мы решили ехать к его родителям — где-то в Калифорнии. Я была на седьмом небе. Тут пришли и меня забрали. Нас набили целый поезд, таких жён иностранцев. Изменилась политика, в один день, как это у нас всегда. Я была беременна. Родила в мурманской тюрьме, уже на севере. Девочку на третий день отобрали. Конечно, наши мужья-иностранцы протестовали. Мы на что-то надеялись. Я потом узнала, что шум в мире некоторый был, их всех повывысылали из Союза, они устраивали демонстрации в Вашингтоне перед советским посольством. А потом мало-помалу затихло. Я вышла в пятьдесят седьмом году развалиной, реабилитированная... Вся леги тут. Хм... Как и не было молодости.

— Пытались отыскать мужа?

— Пыталась, но меня вызвали и разъяснили, что этого делать не следует. Я сама поняла тоже, что не надо. Брак с его стороны, конечно, давно расторгнут. Он сам или умер, или у него, без сомнения, другая семья. Я стара, кончена. Смеётесь? А потом, американцы — они же с другой планеты. Они даже живут здесь в СССР — и ничего не понимают. Видят, а как дети — не понимают. Я полагаю, он написал всевозможные протесты — и успокоился. Может, его даже убедили, что так и надо, что с его стороны была ошибка молодости, глупость. Кого я непрерывно искала лет десять — это свою дочь. Мне всюду ответили, что такой ребёнок не числится. Выла и искала, как волчица, куда только ни писала, куда ни ездила — нет такой девочки и не было. Не было! А она мне снится по сей день. Вот такую проститутку вы сегодня на свою голову взяли, испортила вам настроение только. Прошу покорнейше прощения, сама ненавижу эти копания да ковыряния. Пришёл, отработал — точка. Ванна ваша меня расклеила. Плесните ещё глоток... немного, один.

— Может, не пейте?

— Какая же разница теперь?

— И то верно, — согласился Андрей. — Хотя вообще не моё щенячье дело лезть с соображениями, но вы так быстро сгорите, думаю. Явно губите себя, Людмила... простите, как вас по отчеству?

— Какие у продажной отчества?

— Всё-таки.

— Ну, тогда... Сергеевна. И не Людмила. Таней я была.

— Я пошляк, знаю, но иногда только пошлость единая и требуется. Может, вам бы стоило, Татьяна Сергеевна, найти какую-то тихую спокойную работу и на всё наплевать.

— Работу, да... Нет, мне это — трудно.

— Да почему же? Я понимаю, но — может случиться, хотя бы иллюзия выно-симого существования. Подыскать такую примитивную, мирную службу.

— Службу? Ладно, я вам отвечу! — Она, словно решившись, даже привскочи-ла, сказала возмущённо, с клокочущим бешенством: — Говорите, службу. Кому? Этому государству, этому строю? Этому бандитизму? Они забрали у меня всё. Садистски оставили выть, поленившись убить сразу на месте. И я при этом буду им служить? Да вы понимаете ли, что тогда это — предел, ниже которого нет? Дно! Я вне их законов, прячусь, бегу, сдохну скоро, но я знаю: живу независи-мо от них. Считаю, что служить этому обществу — хуже проституции. Пред-почитаю древнейшую профессию. Чтобы вы окончательно поняли, уточню: ни с какими директорами-академиками, агитобезьянами Терешковыми, культми-нистрами Фурцевыми я бы даже под угрозой казни не поменялась судьбой. Да в распоследней же крохе — оставить бы себе миллиграмм моего, неподвластного.

— Мы поняли.

— Вы знаете моё имя и отчество. Ребята, не доносите, пожалуйста. Я сорва-лась. Ванна виновата. В порядке исключения, даже если служите в гэбэ, — не доносите, а?

— Старая глупая баба, — сказал Андрей. — Теперь я думаю, как уничтожить время до вашего поезда, чтобы больше не разговаривать. Вы сказали хорошо. Дальше есть риск удариться в маразм. Молчите.

Мы просидели несколько минут в тупом молчании, которое ощущалось, как забитый до горла кляп.

— Уже светает, — сказал я, отодвигая занавеску.

— Я могу пойти, — уныло пробормотала Татьяна, — на вокзал.

— Ах, увольте от ваших мелодрам! — взбесился Андрей. — Раскудахталась тут о своей гордости, а у самой гордости ни на грош.

— С людьми. Какими вы кажетесь.

— Вот именно, кажемся. Ваши догадки близки к правде.

— Можем вызвать машину, — предложил я, — проехать сто километров туда и обратно.

— Как? — спросил Андрей у гости. — Обычно это переключает.

— Если вы хотите. Я не против, но, пожалуй, лучше пойду. Право.

Я принялся набирать номер таксомоторной стоянки. На вопрос диспетчера, куда ехать, сказал:

— Туда и обратно.

Он заметил, что это странно: все норвят уехать только туда.

Шофёр оказался пожилой, добродушный, из тех, кто ничему не удивляется.

В машине она сказала:

— Если вам действительно всё равно, куда ехать, то, может быть... Нельзя ли проехать через Лефортово? Вам правда всё равно?

— Это где Лефортовская тюрьма? — отозвался шофёр.

— Да.

— Могём.

Он спокойно сделал разворот под красный свет, мы поехали в Лефортово. По-летнему рано рассвело, на улицах не было ни души, и в пустом мёртвом городе лихо было ехать. Потонувшее в зелени Лефортово встретило нас лишь утренним птичьим гамом. Шофёр мягко затормозил под высокой кирпичной стеной.

— Будете выходить? Не спешите, я подожду.

Мы вышли. Татьяна отошла подальше от стены, пытаясь увидеть здания по ту сторону её.

— Не могу ничего узнать. Ничего не узнаю... Да, в те ворота меня провезли... Ворота на месте. Может, это было в том доме, но почему у него забиты окна?

— Это тюремные козырьки. Разве тогда не было?

— Да были же, но я ищу следовательский кабинет. В нём была лишь решётка, и из окна видны две заводские трубы. Да! Вот он. Трубы есть. Значит, я смотрела на них вот так, оттуда... Да, вон там этот кабинет, был во всяком случае.

— Думаю, там он и сейчас, — сказал Андрей, разглядывая окна.

— Я смотрела в окно на две трубы, меня пытали, заставляли подписать, что я шпионка... Был следователь, фамилию помню: Сурдуков. Он сейчас не должен быть стар. Может, даже там же сейчас сидит.

— Пожалуй, другой. Сурдуков — на персональной пенсии.

— Да, теперь вижу, всё на месте. Это очень важно. Женское отделение там... Но этот корпус, по-моему, новый... Стена.

Она подошла к стене, провела по мощной кладке ладонью, низко опустила голову.

— Стена Лефортовской тюрьмы — это же не Стена Плача, не путайте, — грубо сказал Андрей. — Та в Иерусалиме, Таня.

Шофёр моментально проснулся, лишь мы взялись за дверцы. Улыбнулся понимающе и сочувственно:

— Тот не наш человек, что не сидел. Многие приезжают вот так, как вы. Посмотреть снаружи. Снаружи-то смотреть хорошо. Эх!..

На Киевском вокзале мы были ровно в половине девятого. Машину отпустить не стали, только вышли на минуту проводить Татьяну до входа.

— Спасибо за выдумку с машиной, — сказала она. — Я давно должна была побывать в Лефортово. Это очень важно. Но всё не выходило. Хотите посмотреть, какой я в то время была?

Она достала из сумки портмоне, из него вынула помятый конверт, в нём оказался тщательно завёрнутый и перевязанный нитками бумажный пакет, из которого и была извлечена ветхая, обтрёпанная по краям фотография. Это была она в юности.

— Кинозвезда, — сказал Андрей.

— Правда? Многие говорят. Иногда прибегаю, в крайний момент. Когда показываю клиентам, это их здорово возбуждает. Ха-ха... Так и быть, это мой муж.

На другой фотографии, вернее даже не фотографии, а небольшом выцветшем обрывке можно было узнать хохочущую Татьяну с лобастым пареньком у радиатора машины, на крыле которой торчал американский флажок.

— Это любительская, тут я не так хорошо получилась, сразу после ангины. Эти две карточки — всё, что покойная мама сберегла. Девочку нашу никто, конечно, не фотографировал. Пожалуй, она была бы сейчас как раз ваших лет. Может, жива... Может, мы с ней встречаемся на плешках...

— Спрячьте, я уже посмотрелся, — сухо сказал Андрей. — Вот что, слушайте сюда. Здесь вот рубли. Конкретно и исключительно затем, чтобы вы взяли отпуск и привели в порядок, что ли, нервы, а то, понимаете ли, стены всякие, ненужный маразм. Думаю, не надо добавлять, что это нам не стоит ничего.

— Вот как... — невесело сказала Татьяна. — Я приняла вас было за более умного из двоих. Неужто я ломала такую хитросплетённую комедию, чтоб в заключение получить деньги? Работаю честно — бёдрами, не языком. Незаработанного не надо. Ну, прощайте.

Она смешалась с пассажирами, а мы поплелись к машине.

Шофёр нас ждал, тоже недовольный.

— Кто из вас обронил на сиденье двадцать рублей? — спросил он зло. — Много имеете? Разбрасываетесь, как мусором?

Андрей взял деньги, поблагодарил, спрятал в бумажник.

— Вот гадина! — глухо сказал он, когда машина тронулась. — Теперь вбей себе, вбей и запомни: всё, что мы слышали — ложь. Это было враньё. От начала до конца. Иначе как жить? Общество право: таких нужно убивать на месте.